

ПРИЗРАКИ ЖЕЛАНИЙ

желание

память

ТИШИНА

Денис Убирайло

Денис Михайлович Убирайло

ПРИЗРАКИ ЖЕЛАНИЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73289853

SelfPub; 2026

Аннотация

«Призраки желаний» – это история о тайнах и желаниях, которые остаются с нами даже после смерти. В книге переплетаются иронические детективы, лёгкая проза и эротические рассказы, создавая уникальный и многогранный мир. Главная героиня Вера обладает особым даром – она может слышать агонию призраков желаний. Она живёт в мире, где чувства и воспоминания становятся осязаемыми, а прошлое никогда не отпускает. Эта книга – о том, как важно уметь прощаться с прошлым и отпускать несбывшиеся мечты, о том, как мы создаём своих призраков, даже не подозревая об этом. Она заставит вас задуматься о том, что на самом деле важно в жизни, и как мы можем изменить свою судьбу. Если вы любите мрачные рассказы, тайны и загадочные происшествя, то эта книга станет для вас настоящим открытием.

Денис Убирайло

ПРИЗРАКИ ЖЕЛАНИЙ

ПРИЗРАКИ ЖЕЛАНИЙ

Дорогой читатель,

Прежде чем вы перевернёте эту страницу, задумайтесь на мгновение: какое ваше самое сокровенное, невысказанное желание лежит прямо сейчас где-то в глубине, как забытая книга на дальней полке?

Эта история – не только о детективе, не только о даре и проклятии. Она о тех беззвучных эхо, что остаются после нас: невысказанных «люблю», несделанных шагов, непрожитых жизней. О призраках, которые мы сами создаём, даже не подозревая об этом.

Она для тех, кто когда-либо чувствовал тихий голос чего-то незавершённого. Кто понимает, что иногда самые страшные тайны – не в преступлениях, а в молчании между людьми.

Приготовьтесь прикоснуться к миру, где чувства оставляют следы, а прошлое никогда не отпускает. Но где в самой

глубине тьмы всегда теплится свет – свет понимания.

Переверните страницу. Ваше путешествие начинается.

—

ПРОЛОГ. ЧТЕНИЕ МОЛЧАНИЯ

Мама умерла тихо. Во сне. Так сказали врачи: «Не проснулась». Восьмилетняя Вера стояла на пороге спальни и думала, что это похоже на то, как папа «не досмотрел фильм» – уснул, а телевизор ещё работает. Только мамин «телевизор» выключился навсегда.

Утром, когда в квартире запахло чужими людьми и формальными словами, она прокралась в спальню. Мамин халат висел на спинке стула, тёплый и мягкий, хотя мама уже была холодной. Вера прижалась к нему лицом, вдохнула знакомый запах лавандового мыла и чего-то ещё, только мамино.

И тогда это случилось.

Не голос. Не картинка. Вкус.

Тёплого яблочного пирога с корицей. Такого ясного, такого реального, что у неё задрожали челюсти, словно она дей-

ствительно жуёт. А за вкусом пришло ощущение – шершавой ткани дивана под босыми ногами, осеннего солнца из окна, льющегося на раскрытую книгу. И звук. Несуществующий звук колыбельной, тихой, спотыкающейся на высоких нотах.

А потом – чувство. Огромное, нежное, тяжёлое, как одеяло. Желание. Не сформулированное словами, но кристально ясное. Желание, чтобы это воскресенье длилось вечно. Чтобы пирог никогда не заканчивался. Чтобы младший брат, которого она так и не родила, спал у неё на груди, а она напевала ему эту самую колыбельную.

Желание, растянувшееся на целую несбывшуюся жизнь.

Вера отпрянула, задыхаясь. Яблочный привкус ещё был на языке, но в комнате пахло только лекарствами и пылью. Она смотрела на халат, и её осенило страшное, детское и безжалостно точное прозрение.

Умирают не люди. Людей увозят в чёрных машинах. Умирают их «хотелки». Их мечты о пирогах, колыбельных и нерождённых детях. И они остаются тут, прилипают к вещам, как бесплотные, вечно голодные призраки.

Она тогда не знала, что это первый урок. Что её дар – не дар, а способность слышать агонию этих призраков. Что она

станет их хранителем, их могильщиком, их последним читателем.

Ей было восемь. Она уже была обречена.

—

ГЛАВА 1. БИБЛИОТЕКА МЁРТВЫХ МЕЧТ

Тишина библиотеки особого свойства. Это не отсутствие звука, а его слои: шелест страниц, скрип деревянных полок, далёкие шаги в соседнем зале, собственное сердцебиение в ушах. Вера любила эту тишину. В ней можно было спрятаться.

Её королевство называлось «Отдел редких книг и рукописей». Здесь царил строгий, почти монастырский порядок. Температура – 18 градусов. Влажность – 55%. Свет – приглушённый, безупречно рассеянный. Никаких окон. Никаких случайностей.

На Веру были надеты белые хлопчатобумажные перчатки. На столе перед ней лежал потрёпанный том начала XIX века – сборник стихов какого-то забытого романтика. Она аккуратно, специальным ножичком, подцепляла старый, осыпающийся клей по корешку. Движения были отточены до ав-

томатизма. Мысли – чисты, как хирургический скальпель.

Не думать. Не чувствовать. Только процесс. Бумага. Клей. Давление.

Так она жила последние десять лет. После материнского халата были другие вещи: дедовская зажигалка, от которой в горле вставал комок невысказанной гордости; брошь подружки мамы, пронизанная завистью к чужому отпуску; школьный учебник, пропитанный тоской по пятерке, которая так и не была получена.

Она научилась защищаться. Правило первое: минимум личных вещей. Её квартира – белые стены, деревянный пол, кровать, стол, стул. Никаких фотографий, безделушек, сувениров. Правило второе: перчатки на улице, в транспорте, в любом публичном месте. Правило третье и главное: работа. Реставрация книг – идеальный щит. Книги хранили желания, но эти желания были часто абстрактны, расплывчаты, принадлежали не конкретному человеку, а эпохе, идее. Или были уже переработаны, пропущены через сито авторского замысла. Это была безопасная дистанция.

«Вера Ильинична?»

Она вздрогнула. Голос принадлежала Семёну, коллеге,

пожилому библиографу с вечно встревоженным лицом.

«Да?»

«Вас... к директору. И... там какие-то люди. Из полиции, кажется».

В сердце упал холодный камень. Перчатки, проверила она мысленно. На месте.

Кабинет директора пах кофе и беспокойством. За большим столом, кроме самой директрисы – сухой, подтянутой женщины по имени Галина Борисовна, – сидели двое. Мужчина в строгом костюме, лицо усталое, и женщина в форменной рубашке.

«Вера Ильинична, это следователь Ковалёв и капитан Петрова, – Галина Борисовна говорила тихо, как на похоронах. – Произошло... ЧП. В основном хранилище №3. Обнаружили... тело».

Вера медленно кивнула, стараясь, чтобы лицо оставалось просто вежливым и немного шокированным.

«Мы опрашиваем всех сотрудников, кто был в этом крыле в последние дни, – сказал следователь Ковалёв. Его голос

был плоским, лишённым окраски. – Вы работали там позавчера?»

«Да. Я поднимала подшивку «Литературной газеты» за 1972 год для исследователя».

«Ничего необычного не заметили? Странных звуков? Посторонних?»

«Нет. Там всегда тихо».

Капитан Петрова, женщина с внимательными глазами, изучала её. «Вы часто бываете там в одиночку? Не страшно?»

«Там книги, – просто ответила Вера. – Книги не причинят вреда». В отличие от желаний, которые в них запеклись, – достроила она мысленно.

Её отпустили через десять минут. Но на выходе Галина Борисовна окликнула: «Вера Ильинична, и ещё... Они попросили специалиста. Криминального психолога. Он будет завтра. Попросил предоставить ему доступ и... показать место. Можете вы?»

Протест застыл на языке. Но отказаться – значит вызвать

подозрения, привлечь внимание. Правило четвёртое: будь незаметной.

«Хорошо, – сказала она. – Во сколько?»

—

Хранилище №3 было царством бетона, металла и слабого зеленоватого света. Воздух пах пылью, старостью и теперь – ещё чем-то чужим, химическим. Место оцеплено жёлтой лентой.

Вера ждала, заложив руки за спину, плотно сцепив пальцы в перчатках. Шаги раздались чёткие, быстрые, не в такт с эхом под сводами. Из полумрака вышел он.

Он не был похож на её представление о психологе. Ни очков, ни бороды, ни доброго взгляда. Высокий, в идеально сидящем тёмно-сером пальто. Лицо – острые скулы, прямой нос, губы, сложенные в тонкую, не выражающую ничего линию. И глаза. Светлые, почти прозрачные. Они скользнули по ней, по стеллажам, по жёлтой ленте, и она почувствовала себя не человеком, а объектом в поле зрения очень точного сканера.

«Вера Ильинична? – Голос был низким, спокойным, без

тёплых интонаций. – Лев Донатович Орлов. Благодарю за помощь».

Он протянул руку. Вера на миллисекунду задержала взгляд на его кожаной перчатке. Хорошо. Она сняла свою правую перчатку и пожала его руку. Крепкое, сухое рукопожатие. Ничего. Ни единой вспышки. Только холод кожи и лёгкое давление. Облегчение волной прокатилось по спине.

«Тело обнаружили здесь», – она повела его к дальнему стеллажу, где на полу ещё виднелся меловой контур.

Орлов не глянул на контур. Его внимание привлекло кресло рядом – старое, потёртое библиотечное кресло. На нём лежала книга. В дорогом, современном переплёте.

«Это не из наших фондов, – тихо сказала Вера. – Этого здесь не было».

«Его оставили, – констатировал Орлов. Он не стал надевать дополнительных перчаток, просто наклонился, рассматривая книгу. Это был Данте. «Божественная комедия». Иллюстрированное издание. – Сидел в кресле, читал. Или делал вид. Убили аккуратно. Инъекция. Без борьбы».

Он поднял глаза на Веру. Его взгляд был тяжёлым, непо-

движным. «Что вы чувствуете, глядя на это?»

Вопрос застал врасплох. «Я... Шок. Ужас. Как и все».

«Нет, – он мягко покачал головой. – Не как все. Вы здесь работаете. Вы знаете этот зал, его ритм. Что здесь не так, помимо очевидного?»

Вера обвела взглядом помещение. Стеллажи стояли ровно. Книги на местах. Пыль... Пыль на полу у кресла была слегка нарушена не только вокруг контура, но и с другой стороны, будто кто-то долго стоял, глядя на умирающего.

«Тот, кто это сделал... он наблюдал, – вырвалось у неё. – Он не убежал сразу. Он смотрел, как тот умирает».

Орлов слегка приподнял бровь. «Интересно. Почему?»

Она пожала плечами, желая, чтобы этот допрос закончился. «Не знаю. Может, хотел убедиться».

Психолог медленно выпрямился. Его взгляд снова упал на неё, но теперь в нём было нечто иное. Не сканирование, а... узнавание.

«Вера Ильинична, – произнёс он тихо, почти интимно. –

Когда вы вошли, вы инстинктивно отдернули руку, проходя мимо этого стеллажа. – Он кивнул на соседнюю стойку. – Почему?»

Кровь отхлынула от лица. Она этого даже не заметила. Там, на той полке, лежал грубо переплетённый том заводских инструкций 50-х годов. И от него, как от раскалённой плиты, исходила волна чего-то тяжёлого, липкого. Она отвела взгляд.

«Я... Я боялась задеть, повредить что-то на месте преступления».

«Ложь, – сказал он просто, без упрёка. – Вы боитесь не повредить. Вы боитесь прикоснуться. Потому что когда вы прикасаетесь к вещам, которые были важны для умерших, вы чувствуете нечто большее, чем просто память о них. Вы чувствуете то, что они не успели сделать. Их незавершённые желания».

Мир сузился до точки. Зелёный свет, бетонные стены, его бледные, всевидящие глаза. У неё перехватило дыхание. Никто. Никогда. Ни мать, ни врачи, ни друзья – никто не говорил этого вслух.

«Я... я не знаю, о чём вы», – прошептала она, но голос

предательски дрогнул.

«Знаете, – он сделал шаг ближе. Не угрожающе, а как учёный, приближающийся к редкому образцу. – Феномен эмпатической рецепции, привязанной к тактильным стимулам от объектов эмоциональной заряженности. Я читал исследования. Гипотетические. Никогда не встречал реального случая. До сегодня».

«Вы... вы ошибаетесь».

«Прямо сейчас ваша рука, – он кивнул на её правую, всё ещё голую, руку, – слегка дрожит. Вы побледнели. Вы пытаетесь не смотреть на тот том инструкций на полке 14-В. Потому что от него исходит сигнал. Какой?»

Это был не допрос. Это была вивисекция. Он вскрывал её пинцетом и скальпелем собственных слов. Она чувствовала себя загнанным зверём.

«Уходите, – хрипло сказала она. – Или я позову охрану».

Орлов отступил на шаг, давая ей пространство. Его выражение лица не изменилось. «Я не враг, Вера Ильинична. Напротив. Я могу быть единственным, кто вас понимает. И кто может вам помочь».

«Мне не нужна помощь».

«Нужна, – настаивал он. – Потому что тот, кто оставил здесь Данте, он не случайный убийца. Он коллекционер. Он собирает необычные смерти. А вы... вы самый необычный свидетель, который только может быть. Он может вас найти. Или вы... можете найти его».

Он вынул из кармана пальто визитку, простую, чёрную на белом. «Мой номер. Подумайте. Я предлагаю не сотрудничество со следствием. Я предлагаю сделку знаний. Вы помогаете мне войти в его разум через эти... эманации. А я научу вас контролировать ваш дар. Блокировать его. Фильтровать. Жить, а не выживать».

Он положил визитку на ближайший стеллаж, рядом с потрепанным Прустом.

«Вы сейчас чувствуете только боль и хаос, – сказал он, уже поворачиваясь к выходу. – Но это данные. Беспорядочные, сырые данные. Я могу научить вас их систематизировать. Превращать шум в информацию. А информация – это сила, Вера Ильинична. Сила, которая может защитить».

Его шаги затихли вдали. Она осталась одна в зелёном по-

лумраке, дрожа всем телом. Её взгляд упал на визитку. Потом – на том Данте в кресле.

И прежде чем сознание остановило её, её голая рука потянулась к книге.

Всего одно прикосновение. Чтобы понять, кто он. Чтобы понять, прав ли этот Орлов.

Кончики пальцев коснулись прохладной кожи переплёта.

И мир взорвался тишиной.

Не звуком. Не изображением. Ощущением абсолютной, леденящей ясности. Как будто все мысли в голове вдруг выстроились в идеально прямую линию. И в центре этой ясности горело одно-единственное, кристальное, навязчивое желание:

«ЧТОБЫ МЕНЯ ПРОЧЛИ. ВНИМАТЕЛЬНО. ДО ПОСЛЕДНЕЙ ЗАПЯТОЙ. ДО ПОСЛЕДНЕЙ КРОВАВОЙ ТОЧКИ».

Оно было не злым. Оно было отчаянным. Жажущим. Желанием быть не просто замеченным, а понятым до самых тёмных глубин.

Вера отшатнулась, прислонилась к холодному стеллажу, судорожно глотая воздух. Сердце колотилось, как птица в клетке.

Орлов был прав. Во всём.

Убийца собирал не тела. Он собирал моменты перехода. И он оставил ей своё визитное послание. А Лев Орлов... он предложил ключ. Ключ от её собственной тюрьмы.

Дрожащими руками она подняла с пола визитку. Чёрные буквы на белом: ЛЕВ ОРЛОВ. КРИМИНАЛЬНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ. И номер.

Она сжала картонку в кулаке, ощущая, как её острые края впиваются в кожу ладони.

Снаружи, за толстыми стенами хранилища, гудел город. Мир обычных людей, обычных желаний: доехать до дома, поужинать, посмотреть сериал.

А здесь, в тишине, рождался новый мир. Мир, где она больше не была просто сумасшедшей девушкой, боящейся прикосновений. Она была свидетельницей. Расшифровщиком. Мостом между миром живых и миром несбывшихся

«хотелок».

И у неё теперь был проводник в этот ад. Холодный, расчётливый и, возможно, такой же повреждённый, как она сама.

Она надела перчатку, пряча голую кожу. Потом медленно, очень медленно, подняла глаза на тот самый стеллаж 14-В. На грубый переплёт заводских инструкций.

Что ты хранишь? – подумала она с новой, странной смесью ужаса и любопытства. Какое желание умерло вместе с твоим хозяином?

Впервые за много лет она задала этот вопрос не со страхом, а с тенью чего-то, что могло бы стать целью.

Она повернулась и пошла к выходу, крепко сжимая в кармане визитку человека, который увидел её призраков.

Начиналась охота. И она была одновременно и охотником, и приманкой.

—

(Продолжение следует...)

И это только начало. Дорогой читатель, мы прошли лишь первые шаги в мир «Призраков желаний». Впереди – погружение в бездну чужих «хотелок», опасный танец с умом, который видит логику в безумии, и встреча с коллекционером, для которого смерть – лишь способ остановить прекрасный момент несбывшегося.

Вы готовы идти дальше? Прикосновение к следующей главе ждёт вас.

ГЛАВА 2. ПРОТОКОЛ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Кабинет Льва Орлова оказался не в полицейском участке, а в неприметном деловом центре на набережной. Стеклопанная дверь с матовой табличкой «О.К. Консалтинг». Внутри – стерильная чистота: белые стены, чёрный кожаный диван, стеклянный стол, на котором стоял только компьютер и идеально ровная стопка бумаг. Ни книг, ни картин, ни растений. Воздух пах озоном от кондиционера и лёгкой нотой дорогого мыла.

Вера чувствовала себя лабораторной мышью, забредшей в кабинет хирурга.

«Присаживайтесь, – сказал Орлов, не поднимая глаз от монитора. Он был в простой белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. На запястье – часы с тонким циферблатом, без лишних деталей. – Чай? Кофе? Вода?»

«Ничего, спасибо», – прошептала она, опускаясь на край дивана. Перчатки были на месте, обе. Она сцепила руки на коленях, чтобы скрыть дрожь.

Орлов откатился от стола на своём кресле и повернулся к ней. Его взгляд был таким же оценивающим, как и в хранилище.

«Вы пришли. Значит, моя гипотеза верна, и предложение вас заинтересовало. Давайте начнём с основ. Расскажите, как это работает. Детально».

Вера кашлянула. Горло пересохло. «Я... прикасаюсь к вещам. Личным вещам людей, которые умерли. И я чувствую... не их воспоминания. А то, чего они сильно хотели в момент, связанный с этой вещью, но не получили. То, что осталось незавершённым».

«Чувствуете. Каналы восприятия? Зрительные образы? Звуки? Тактильные ощущения? Эмоциональные состояния?»

Все вместе?»

Она замерла. Никто никогда не спрашивал её так, как будто это была техническая спецификация. «Всё вместе. Но не всегда. Иногда – только вкус. Или запах. И эмоция. Как... как вспышка. Яркая, всепоглощающая. Она накатывает и проходит».

«Длительность?»

«От доли секунды до... нескольких минут. Если желание было очень сильным».

«Физиологические последствия?»

«Тошнота. Головокружение. Тахикардия. Иногда – мигрень. Если очень сильное – временная потеря ориентации. Как... как перегрузка».

Орлов кивнул, набирая что-то на клавиатуре. «Адаптационные механизмы? Что вы делаете, чтобы снизить воздействие?»

«Я... избегаю прикосновений. Ношу перчатки. Минимизирую личные вещи».

«Примитивно, но логично, – заключил он. – Вы действуете методом изоляции. Интересно. Вы никогда не пытались не блокировать сигнал, а... фильтровать его?»

Вера уставилась на него. «Как?»

«Ваш мозг – приёмник. Сейчас он настроен на все частоты одновременно и на максимальную громкость. Вас заливают шум. Нужно научиться настраивать селектор. Концентрироваться не на эмоциональной составляющей желания, а на его физическом носителе. На материале. Вы реставратор. Вы понимаете бумагу, кожу, ткань, металл. Используйте это. Когда чувствуете вспышку – немедленно переключайте фокус. Не «я чувствую тоску». А «эта тоска идёт от предмета, который является кожаным переплётом, дублёным в 1953 году, с использованием красителя на анилиновой основе». Отделяйте сообщение от среды».

Он говорил так просто, как будто объяснял, как чинить кран. Вера слушала, раскрыв рот. Это... имело смысл. Безумный, извращённый смысл.

«Попробуем, – сказал он и открыл ящик стола. Оттуда он извлёк небольшой металлический контейнер. Надел тонкие латексные перчатки. – Это личное дело. Из архивов. Вещи, изъятые с мест нераскрытых убийств. Недавних. Сигнал дол-

жен быть свежим и мощным. Вы будете тренироваться. Я буду записывать ваши реакции».

Он открыл контейнер. Внутри, в прозрачном пакете, лежала женская запонка в виде маленькой серебряной совы.

«Жертва – Татьяна Миронова, 34 года. Убита три недели назад. Запонка найдена в её руке, сжатой в кулаке. Предположительно, сорвана с нападавшего. Но ДНК посторонней не обнаружено. Возможно, её собственная. Ваша задача: взять предмет. Опишите первую вспышку. Затем попытайтесь переключиться на физические параметры. Я буду задавать вопросы. Готовы?»

Сердце Веры бешено колотилось. Она с ненавистью смотрела на запонку. Она не хотела знать, чего не успела захотеть эта женщина. Она хотела закрыть глаза и убежать.

Но она сняла правую перчатку. Пальцы холодные, влажные.

«Делайте», – сказал Орлов. Его голос был нейтрален, но в нём сквозила та же холодная любознательность, с какой он, должно быть, рассматривал под микроскопом редкий вирус.

Вера взяла запонку.

—

Мир растворился в звуке. В грохоте метро. В скрежете тормозов, в гуле голосов, в ритмичном стуке колёс. И поверх этого – голос. Мужской, приятный, чуть насмешливый:

«...и тогда сова становится не символом мудрости, а символом того, кто бодрствует, когда все спят. Как ты, Таня. Ты всегда настороже».

А потом— чувство. Острое, колющее, сладкое и горькое одновременно. Желание. Желание поверить. Поверить, что этот голос говорит правду. Что она – особенная. Что её бодрствование кому-то нужно. Желание положить голову на плечо незнакомца в переполненном вагоне и на секунду закрыть глаза. Всего на секунду.

И тут же – удар. Не физический, а удар предательства. Осознание, что голос лгал. Что «сова» – не комплимент, а насмешка. И последнее, пронзительное, яростное желание, вырвавшееся из самой глубины:

«УСЛЫШЬ. УСЛЫШЬ, КАК Я ЛОМАЮСЬ».

—

Вера дернулась, как от удара током. Запонка выскользнула из пальцев и со звонком упала на стеклянный стол. Она

тяжело дышала, перед глазами плясали чёрные точки.

«Первичный отчёт, – раздался голос Орлова. Он сидел, не шелохнувшись, руки сложены на столе. – Что было?»

«Метро... – выдохнула она. – Голос мужчины. Комплимент... про сову. Она хотела... хотела поверить ему. Расслабиться. А потом... она поняла, что он её обманывает. И её последнее желание... чтобы он услышал, как она... ломается».

Орлов быстро печатал. «Хорошо. Конкретика. Теперь вторичный отчёт. Материал предмета».

Вера с трудом перевела взгляд на запонку. «Серебро... 925 пробы. Машинная обработка, но детализация когтей... ручная доработка. Следы... следы окисления в углублениях. Её давно не чистили. На задней стороне... царапина. Свежая. Как будто её... оторвали».

«Отлично, – сказал Орлов, и в его голосе впервые прозвучало что-то, отдалённо напоминающее удовлетворение. – Вы смогли переключиться. Эмоциональная перегрузка снизилась на 40%, судя по вашей физиономической реакции. Вы поняли принцип».

Он откатился к мини-барчику, встроенному в стену, и налил в стакан воды. Пододвинул его к Вере.

«Пейте. Медленно».

Она выпила. Вода была ледяной, но она помогла прочистить сознание.

«Кто... кто был тот мужчина?» – спросила она хрипло.

«Неизвестно. Возможно, убийца. Возможно, случайный попутчик, чей голос она запомнила в последние минуты. Важно другое. Её желание – «чтобы услышали, как она ломается». Это не желание жизни. Это желание быть увиденной в своей агонии. Созвучно с посланием нашего «Библиофила» – «чтобы меня прочли». Мы имеем дело не с банальным маньяком. Мы имеем дело с нарциссической травмой, вывернутой наизнанку. Он не просто убивает. Он создаёт сцену, где жертва играет свою последнюю, незавершённую пьесу. А он – режиссёр и единственный зритель».

Он снова посмотрел на неё, и в его глазах горел холодный, безэмоциональный огонь исследователя, напавшего на след.

«Вы, Вера Ильинична, для него можете стать... соавтором. Единственным существом, способным не просто уви-

деть спектакль, но и прочувствовать его замысел. Это делает вас уникально ценным. И уникально уязвимым».

«Что мы будем делать?» – спросила она, и её собственный голос показался ей чужим, более твёрдым.

«Мы будем тренировать ваш «селектор». Каждый день. Я буду давать вам вещи – сначала слабые, потом сильнее. Вы будете учиться не тонуть в сигнале, а извлекать из него данные. Параллельно мы будем анализировать дело «Библиофила». Вы будете моим сенсорным детектором. Я – аналитическим процессором. Вместе мы построим его психологический портрет не на предположениях, а на эмпарических данных».

Он поднялся и подошёл к окну, глядя на серую ленту реки. «А ещё я научу вас кое-чему ещё. Технике «тихого прикосновения».

Вера нахмурилась. «Что это?»

«Вы будете прикасаться к вещам, которые принадлежали... никому. Или вам самим. И концентрироваться на создании своего собственного, слабого желания. Например: «Я хочу, чтобы чай остыл». И пытаться «почувствовать» это своё желание через предмет. Это тренировка контроля над

каналом. Чтобы вы могли не только принимать, но и... слегка модулировать сигнал. Заявлять о своём присутствии в эфире».

Идея показалась ей кощунственной и невероятной. «А если... если это привлечёт его внимание? «Библиофила»?»

Орлов повернулся. На его лице впервые промелькнуло что-то, почти похожее на улыбку. Без тепла, лишь как изгиб лезвия.

«Возможно. Но если он почувствует в эфире ещё одного «вещателя», ещё одного знатока языка желаний... он либо испугается и уйдёт в тень. Либо... выйдет на контакт. И тогда мы его поймаем. Это риск. Но игра стоит свеч. Вы согласны?»

Вера посмотрела на свою правую руку, лежащую на колене. Бледную, с тонкими, почти прозрачными венами. Руку, которая была и оружием, и раной, и дверью в мир призраков.

Она сжала её в кулак, потом разжала.

«Я согласна», – сказала она тихо, но чётко.

Она больше не была просто жертвой своего дара. Она бы-

ла стажёром в лаборатории по изучению самой себя. Под руководством самого безжалостного и пронизательного учёного, которого только можно было представить.

«Отлично, – сказал Орлов. – Первое домашнее задание. Вечером, дома, прикоснитесь к своей зубной щётке. Не думайте ни о чём. Просто прикоснитесь и попробуйте почувствовать... желание, чтобы щетина была мягче. Или чтобы паста была мятнее. Что-то простое и ваше. Завтра отчитаетесь. А теперь – следующий предмет».

Он снова открыл контейнер. На этот раз оттуда выглядел старый, потрёпанный бумажник.

Вера глубоко вдохнула и снова сняла перчатку.

Путь в бездну начинался с протокола. И она сделала первый шаг.

—

ГЛАВА 3. ЧЕРНОВИК ДУШИ

Неделя превратилась в странный, вывернутый наизнанку ритуал. Каждый день после работы Вера приходила в стерильный кабинет Орлова. На стеклянном столе её уже ждал

«объект» в прозрачном пакете. Иногда это была зажигалка, иногда – детская игрушка, разорванное письмо, ключ от дома, которым никто уже не откроет дверь.

Она стала называть их в голове «носителями». Слово «вещь» было слишком безликим. Носитель – это сосуд. Гроб для желания.

Орлов был безжалостным тренером. Он заставлял её описывать вспышки до мельчайших деталей, а затем дробить их на составляющие: «Не «он хотел её вернуть». Опишите топографию желания. Его температуру. Его вес. Сравните с предыдущим образцом».

И она училась. Медленно, мучительно. Её мозг, десятилетия бежавший от любого намёка на чувство, теперь был вынужден нырять в самые густые его токи и выныривать с отчётом. Но метод «селектора» работал. Она уже не падала в обморок от сильных вспышек. Она могла, ощутив удар чужой тоски, тут же начать мысленно описывать: «Тоска идёт волной от центра груди, имеет горьковатый привкус, похожий на полынь, сопровождается зрительным образом – жёлтый абажур на столе, пятно от чернил...»

Это не делало переживание менее ужасным. Но оно делало его... управляемым. Как если бы вместо того, чтобы то-

нуть в бушующем океане, она изучала его с борта корабля, занося в журнал данные о волнах, ветре и течениях.

Одновременно они работали над «Библиофилом». Орлов принёс фотографии с первых двух мест преступлений. Не самих тел, а обстановки. Композиции.

«Смотрите, – он указывал на снимок библиотечного кресла. – Книга Данте открыта на песне о граде Дит. Ад. Но тело расположено спокойно, почти созерцательно. Он дал жертве «прочитать» её участь? Или это его собственный комментарий?»

Вера молчала, глядя на фото. От него не шло никакого сигнала – это была всего лишь бумага. Но её память подсказывала то кристальное желание: «ЧТОБЫ МЕНЯ ПРОЧЛИ».

«Он не просто убивает, – сказала она вдруг, осознавая это по мере того, как слова срывались с губ. – Он... завершает их. Как предложение. Ставит точку там, где они оставили многоточие. Он даёт их истории финал. Пусть и ужасный».

Орлов замер, его глаза сузились. «Продолжайте».

«Жертва в библиотеке... что это был за человек?»

«Алексей Воронов, 58 лет. Бывший профессор философии, уволенный за скандал с плагиатом. Занимался составлением каталога для частного коллекционера. Жил один. В долгах».

«Несостоявшийся учёный, – прошептала Вера. – Его желание... быть прочитанным, признанным... оно так и висит в воздухе. А этот... «Библиофил»... он как будто говорит: «Вот твоя книга. Вот твой финал. Тебя прочтут». Он не маляк. Он... архивариус трагедий».

Орлов откинулся на спинку кресла. В его взгляде было что-то новое – не просто научный интерес, а глубокое, личное признание.

«Вы выходите на его частоту, – сказал он тихо. – Вы начинаете мыслить его категориями. Это и хорошо, и опасно».

«А вторая жертва? Букинист?»

«Пётр Елисеев, 67. Владел лавкой старых книг. Критиковал современных коллекционеров, называл их «стяжателями духа». Открытка, которую он держал... она была адресована женщине, умершей пять лет назад. Он так и не отправил её».

«Желание сказать «прости»... – Вера закрыла глаза. – И он поставил ему эту точку. Дав в руки неотправленное письмо».

«Он не хаотичен, – заключил Орлов. – Он выбирает людей с незавершёнными нарративами. С несделанными признаниями, неисправленными ошибками, непризнанными заслугами. Он находит их и... пишет за них последнюю строку. Своими методами».

В комнате повисла тяжёлая тишина. Вера понимала, что они не просто выслеживают убийцу. Они читают его манифест. Манифест, написанный кровью и отчаянием.

«Завтра, – сказал Орлов, ломая молчание, – мы отойдём от протокола. Я покажу вам кое-что. Личное. Будет тяжело. Готовы?»

Вера посмотрела на свои руки. Перчатки лежали рядом на столе. Она медленно покачала головой.

«Нет. Не готова. Но я приду».

На этот раз его «почти улыбка» была чуть заметнее. «Честный ответ. До завтра, Вера Ильинична».

На следующий день он встретил её не в кабинете, а у подъезда своего дома – строгого кирпичного здания в тихом центре. Он был без пальто, в тёмном свитере и брюках. Без своего профессионального щита он казался... моложе. И более уязвимым.

«Пойдёмте наверх, – сказал он просто. – Там будет проще».

Его квартира оказалась зеркальным отражением его кабинета, только ещё более аскетичным. Пол – полированный бетон. Стены – белые. Мебель – минималистичные конструкции из стали и кожи. Ни ковров, ни штор, ни картин. Идеальный порядок, в котором каждая вещь была на своём месте с почти милитаристской точностью. Воздух был стерилен и прохладен.

Но Вера, едва переступив порог, почувствовала сбой. Слабый, но настойчивый. Как фоновый шум, который не вписывался в эту безупречную тишину. Это было не желание. Это было... отсутствие. Голод по чему-то, что должно было быть здесь, но чего не было.

Орлов провёл её в гостиную. «Садитесь. Я принесу воды».

Пока он был на кухне, её взгляд упал на единственную полку в комнате. На ней стояли несколько технических журналов, сложенных под углом 90 градусов, и... один предмет, который выбивался из всего. Кривая, неумело склеенная керамическая чашка. Раскрашенная в яркие, неаккуратные цвета. Детская поделка.

Орлов вернулся с двумя стаканами, поставил их на стеклянный столик. Его взгляд последовал за её взглядом.

«А, – сказал он. Голос его потерял профессиональную ровность, в нём появилась какая-то странная, сухая хрипотца. – Это... артефакт».

«Чья?» – спросила Вера, уже зная ответ.

«Моей сестры. Анны. Ей было десять. Она... её не стало семь лет назад».

Он подошёл к полке, взял чашку в руки с такой осторожностью, словно это была хрустальная ваза, а не грубая керамика.

«Она сделала её в кружке. Подарила мне. Говорила, что я пью из неё слишком горячий кофе и должен остужать. Я...

я сказал, что она криво склеила доньшко. Что оно потечёт». Он замолчал, глядя на чашку. Его пальцы сжались вокруг неё так, что костяшки побелели. «Через неделю её не стало. Она не дописала сочинение. Не доиграла в куклы. Не доскучала на уроках математики. И не... не закончила эту чашку. Она хотела покрыть её глазурью. Но так и не решила, какой цвет выбрать».

Он повернулся к Вере. В его глазах, всегда таких ясных и контролируемых, бушевала настоящая буря. Боль, гнев, вина, и над всем этим – та же холодная, аналитическая ярость, с которой он подходил ко всему.

«Вот он, мой личный «носитель», Вера Ильинична. Самый мощный из всех. И он ничего не транслирует. Только тишину. Тишину несделанного выбора. Я изучал её смерть, как изучаю все смерти. Я построил модель её убийцы, вышел на его след. Но я ошибся в одной переменной. В переменной желаний. Он убил её не потому, что она была свидетельницей. Он убил её, потому что она... улыбнулась ему. Потому что в её улыбке не было страха. А было... любопытство. Иррациональное, глупое, человеческое желание – понять, почему этот дядя такой грустный. Эту переменную я отбросил как статистический шум. И из-за этого опоздал на сорок три минуты».

Он протянул ей чашку. Его рука не дрожала. Она была твёрдой, как скала.

«Возьмите. Прикоснитесь. Скажите мне... скажите, какого цвета глазурь она бы выбрала. Какое её последнее незавершённое желание, связанное с этой чашкой».

Вера отпрянула. «Нет. Лев... Лев Донатович, я не могу. Это слишком личное».

«ВСЁ ЛИЧНОЕ! – его голос впервые сорвался, ударившись о стены пустой квартиры, как выстрел. – Вся эта работа, весь этот бред с желаниями – он личный! Вы думаете, я случайно нашёл вас? Я искал таких, как вы. Всюду. По всему миру. Потому что логика не даёт ответа! Логика даёт только схемы, а схемы ломаются о реальность! Мне нужны... данные. Не логические. Эмпатические. Мне нужно знать, что она чувствовала. Что хотела. Хоть что-то!»

Он стоял перед ней, дыша неровно, сжимая в руках хрупкую чашку. В этот момент он не был криминальным гением. Он был старшим братом, который не сберёг сестрёнку. Который пытался залатать дыру в собственной вселенной единственным способом, который знал, – собирая факты. Даже если эти факты добывались через боль другого человека.

Вера смотрела на него. На его белое от напряжения лицо. На чашку в его руках. Она думала о своём правиле – не касаться личного. О своей броне из перчаток и белых стен.

А потом она подумала о той девочке. Об Ане. Которая так и не выбрала цвет глазури.

Она медленно, очень медленно сняла перчатку. Подошла к нему. Не взяла чашку из его рук. Она просто положила свою голую ладонь поверх его пальцев, сжимающих керамику.

И закрыла глаза.

—

Тишина. Не та стерильная тишина его квартиры. Другая. Шумная, живая тишина детской комнаты. Пахло краской, клеем и яблоками. Где-то играло радио. И чувство... чувство сосредоточенной, серьёзной радости. Девочка склонилась над чашкой, кончик языка высунут от усердия. И желание... не о цвете. Оно глубже. Оно о признании. Желание, чтобы старший брат, такой умный, такой важный, такой всегда занятый, увидел. Увидел, что она старалась. Что она сделала эту штуку для него. Чтобы он улыбнулся. Не той своей редкой, сдержанной улыбкой. А по-настоящему. Чтобы гла-

за засветились. И чтобы он сказал: «Молодец, Ань».

А потом – смутное, едва осознанное. Она видела глазурь в магазине. Бирюзовую. С крошечными золотыми блёстками. Как крылья стрекозы. Она хотела, чтобы чашка была волшебной. Чтобы, когда брат пьёт из неё, в кофе попадали эти блёстки и делали его день чуть-чуть светлее. Но она боялась, что не получится. Что блёстки сольются, а бирюза будет кричать. И она так и не решилась.

Последнее, связанное с чашкой, желание: «СДЕЛАТЬ ИДЕАЛЬНО. ЧТОБЫ ОН ПОНЯЛ».

—

Вера открыла глаза. Её ладонь всё ещё лежала на его руке. Она увидела, как по его лицу катится одна-единственная, идеально ровная слеза. Он даже не заметил её.

«Бирюзовая, – прошептала она, и её голос звучал хрипло от слёз, подступающих к её собственному горлу. – С золотыми блёстками. Как крылья стрекозы. Она хотела... чтобы чашка была волшебной. Чтобы твой день стал светлее. Но боялась, что испортит. Её желание... было сделать идеально. Чтобы ты понял».

Лев Орлов не двигался. Он смотрел на чашку, потом на её руку, лежащую на его. Потом медленно, очень медленно, его пальцы разжались. Он позволил ей взять чашку.

Она держала её, чувствуя шершавость неглазурованной керамики, неровности клея. И вместе с этим – эхо детского усердия, смешанного со страхом не угодить.

«Спасибо», – сказал он наконец. Его голос был сломанным, тихим. «Это... это данные. Самые важные данные, которые у меня когда-либо были».

Он отвернулся, подошёл к окну, утирая лицо рукавом свитера. Его плечи были напряжены.

«Вы сегодня свободны, Вера Ильинична. Уходите. Пожалуйста».

Она кивнула, хотя он её не видел. Поставила чашку обратно на полку. Надела перчатку. Направляясь к двери, она обернулась. Он стоял у окна, спиной к комнате, глядя в серый городской вечер. Одинокий силуэт в пустой, белой коробке.

«Лев, – сказала она мягко. – Она не боялась. Того человека. В её желании... не было страха. Было любопытство и...

жажда сделать что-то хорошее. Для тебя».

Он не обернулся, только слегка склонил голову, будто приняв этот новый факт к сведению.

Вера вышла, тихо закрыв за собой дверь.

На улице шёл холодный осенний дождь. Она шла, не чувствуя его. Внутри у неё всё горело. Она только что нарушила все свои правила. Коснулась самого личного, самого болезненного. И не сломалась. Она дала ему то, чего не могла дать логика. Кусочек души его сестры.

И он дал ей понять нечто важное. Его холодность, его расчёт – это не отсутствие чувств. Это дамба, возведённая вокруг океана боли. И сегодня в этой дамбе появилась трещина. Через неё просочилась их общая, странная связь: он – архивариус логики, она – архивариус чувств. Оба – хранители мёртвых. Оба – сломленные теми, кого не смогли спасти.

Она зашла в ближайший магазин. Купила самую дорогую, самую красивую тетрадь в тёмно-синем кожаном переплёте. Дома, сняв перчатки, она прикоснулась к ней и попыталась, как учил Орлов, вложить своё желание.

«Я хочу записывать. Всё. Чтобы не забыть. Чтобы по-

НЯТЬ».

Она не почувствовала ничего, кроме прохлады кожи и запаха новой бумаги. Но это было её первое, сознательное, крошечное вещание в эфир. Её первая запись в новом каталоге.

Она открыла тетрадь на первой странице и вывела аккуратным почерком:

«Протокол №1. Чашка. Бирюза с золотом. Желание быть идеальной для брата. Страх не справиться. Сопутствующие ощущения: запах яблока и клея, звук радио, тактильное – шершавая глина».

Она писала, и слёзы капали на бумагу, оставляя морщинистые следы. Она плакала не только за девочку Аню. Она плакала за себя. За ту восьмилетнюю девочку, которая прикоснулась к маминому халату и узнала страшную правду о мире.

Но теперь у неё был не просто дар-проклятие. У неё была методика. И был он. Лев. Их странный, болезненный альянс.

Она закончила запись и закрыла тетрадь. За окном уже стемнело. Город светился миллионами огней, за каждым из

которых жили люди со своими желаниями, страхами, незавершёнными делами.

А где-то в этом городе ходил «Библиофил». Он тоже вёл свой каталог. Свой чёрный, извращённый список.

Теперь у неё был свой. Синий. И в нём была первая запись – не о смерти, а о любви. Неделанной, испуганной, но настоящей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.